МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ

АДСКАЯ ИСКРА

Биография знаменитой балерины

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

Андрей Левонович Шляхов
Мария Баганова

Майя Плисецкая: Адская искра. Музыкальная любовь

Серия «Эксклюзивные биографии»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6493339
Майя Плисецкая. Адская искра. Музыкальная любовь / Мария Баганова, Андрей Шляхов: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-158360-6

Аннотация

Перед вами биография Майи Плисецкой, женщины удивительной, неповторимой судьбы, ставшей одним из символов XX века. Символом смелости, стойкости и стремления к свободе. Она проявила себя как блестящая танцовщица – исполнительница классических партий, затем – одной из первых в Советском Союзе стала танцевать балеты модерн, снималась в кино, работала моделью и даже манекенщицей.

Вот уже более полувека она является музой и женой одного из самых талантливых композиторов современности – Родиона Щедрина. Ее творчеством вдохновлялся модельер Пьер Карден, ей посвящал стихи поэт Андрей Вознесенский, назвавший

балерину «адской искрой»; балетмейстер Морис Бежар именовал ее «гением метаморфоз»; художник Марк Шагал зарисовывал балетные позы Плисецкой, чтобы позже использовать ее дикую грацию для создания шедевра…

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Мария Баганова 7
Пролог 7
Короткое детство 9
Конец детства 19
Путь на сцену 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Андрей Шляхов, Мария Баганова Майя Плисецкая: Адская искра. Музыкальная любовь

Фотография на обложке предоставлена

ФГУП МИА «Россия сегодня»

© М. Баганова, 2023
© А. Шляхов, 2023
© «Россия сегодня», 2023

© ООО Издательство АСТ, 2023

Мария Баганова
Майя Плисецкая: Адская искра

Пролог

«Не смиряйтесь, до самого края не смиряйтесь. Даже тоталитарные режимы отступали, случалось, перед одержимостью, убежденностью, настырностью. Мои победы только на том и держались», – написала однажды Майя Плисецкая.

Эта прекрасная женщина, яркая звезда, удивительно талантливый и разносторонний человек стала одним из символов XX века. Символом смелости, стойкости и стремления к свободе. Она проявила себя как блестящая танцовщица – исполнительница классических партий, затем – одной из первых в Советском Союзе стала танцевать балеты модерн; и, словно не удовлетворяясь достигнутым успехом, сама стала балетмейстером. Но и этого мало – Майя Михайловна снималась в кино, работала моделью и даже манекенщицей. Вот уже более полувека она является музой и женой одного из самых талантливых композиторов современности – Родиона Щедрина. Ее творчеством вдохновлялся знаменитый французский модельер Пьер Карден, считавший Майю эталоном женской красоты; ей посвящал стихи поэт Андрей

Вознесенский, назвавший балерину «адской искрой»; балетмейстер Морис Бежар именовал ее «гением метаморфоз»; великий художник Марк Шагал зарисовывал балетные позы Плисецкой, чтобы позже использовать ее дикую грацию для создания шедевра, – а завистливые и куда менее талантливые соперницы шипели вслед «змея!», бюрократы-чинуши считали ее выскочкой, хулиганкой. Да она такой всегда и была! Гордой, вольной, не укладывающейся в привычные рамки, прямой и бескомпромиссной, смелой, сильной, эпатирующей…

Она достигла многого, пройдя через великие испытания, и всегда, всю свою жизнь несла людям красоту. Можно с уверенностью сказать, что без Майи Плисецкой XX век был бы другим – более пресным, серым, скучным, плоским, менее выразительным, лишенным толики небесного света и ярких красок.

Короткое детство

Майя родилась в благополучной советской семье. Отец, Михаил Эммануилович, был довольно высокопоставленным советским чиновником, а мать, Рахиль Михайловна, актрисой немого кино. Жила семья на Сретенке, двадцать три, квартира три, на третьем, последнем этаже.

Квартира изначально принадлежала деду балерины – зубному врачу Михаилу Борисовичу Мессереру, приехавшему в Москву из Вильно. В квартире было восемь комнат – в ряд, с окнами, смотрящими на Рождественский бульвар. Их двери выходили в узкий коридор, упиравшийся в пропахшую снедью кухню с единственным окном – во двор. Почти все комнаты были распределены между членами одной большой семьи – Мессереров, лишь в самой последней обитал чужой, не член семьи, скрипач.

Рыжеволосая Майя росла своевольным, избалованным ребенком. Могла вдруг начать буянить, потому что «бзик нашел», могла топнуть ножкой, настаивая на своем… Из педагогических соображений Майю отдали в детский сад, но все в этой малышке противилось «общественной жизни»… и при первой возможности Майя убежала – просто ушла, не спросившись, когда вся группа гуляла. Путь к дому занял часа полтора. Когда Майя появилась на пороге, в восьмикомнатной квартире царила паника: из сада позвонили с сооб-

щением, что ребенок пропал. Воспитатели сбились с ног, заявили в милицию… Майя получила заслуженную взбучку, но больше ее в садик не водили.

> В пятилетнем возрасте девочка впервые попала в театр. Больше всего Майю поразила какая-то драматическая сцена, в которой героиня в длинном черном облегающем платье стояла в луче света и принимала какое-то важное для себя решение… Потом Майя неделю играла в театр, изображая всех действующих лиц той пьесы, а особенно – стройную героиню.

В семье девочку баловали и любили. Многочисленные дяди и тети потворствовали ее шалостям и закармливали молочной лапшой, «чтоб выросла крепкой». Тут они переборщили: много лет спустя на вопросы журналистов, что она ненавидит больше всего в жизни, Майя Михайловна неизменно отвечала: лапшу! Но именно родственники со стороны матери и определили выбор профессии для подрастающей Майи! Ведь та семья была интеллигентной, театральной, творческой.

* * *

Майин дядя Асаф Мессерер начал заниматься балетом с пятнадцати лет – а это очень поздно. Впервые посетив Большой театр, он вдруг сказал родным: «Я тоже так могу!» –

и все, больше никто не мог его переубедить. И оказалось, что его природные данные действительно идеальны для балета. Асаф поступил сначала в студию Михаила Мордкина – партнера легендарной Анны Павловой, затем – в Московское хореографическое училище, по окончании которого был зачислен в труппу Большого театра.

Он станцевал практически все ведущие сольные партии классических русских, зарубежных и советских балетов и был удостоен Сталинской премии. Потом начал выступать как балетмейстер. Майя Михайловна своим дядей восхищалась: «Он, конечно, с балетного Олимпа. Танцевал замечательно. От него воистину начался отсчет многих технических трюков, да и виртуозный стиль сольного мужского классического танца. Превосходный педагог. Класс его лечит ноги. Почти всю свою сознательную балетную жизнь каждым утром я торопилась в его класс. У него занимались Уланова, Васильев, Максимова…»

Обе супруги Асафа тоже были из театрального племени: первая жена – Анель Судакевич – актриса и художница; вторая – Ирина Тихомирнова – балерина.

Лауреатом Сталинской премии, орденоносцем была и Майина тетя – Суламифь Мессерер – солистка балета, Большого театра, обладавшая виртуозной техникой и темпераментом. Кроме балета она занималась еще и плаванием. В 1928 году на Всесоюзной спартакиаде, которая одновременно была и чемпионатом СССР по плаванию, Суламифь ста-

ла двукратной чемпионкой. А вот в старости, в восьмидесятые, Суламифь эмигрировала в Англию и преподавала в театре «Ковент-Гарден», удостоившись ордена «За заслуги перед искусством танца». Она была возведена королевой Британии Елизаветой в рыцарское достоинство.

Еще один дядя – он взял псевдоним Азарий Азарин – работал художественным руководителем Театра им. Ермоловой. Несчастливой, но талантливой была и другая тетя – Елизавета (Элишева) – драматическая актриса того же театра. Она часто водила Майю на спектакли. Потом ее уволили из театра – Елизавета отказалась подписать какой-то донос. Она восстановилась через суд, но последовало новое увольнение… И так четыре раза. Здоровье актрисы не выдержало, она тяжело заболела и умерла очень рано.

Мать Майи – Рахиль Мессерер, была одной из первых выпускниц только что созданного ВГИКа (класс Льва Кулешова), снималась в кино. Свое имя она сократила до одного первого слога Ра – так выразительнее. Совсем юной, по большой любви Рахиль вышла замуж за Михаила Эммануиловича Плисецкого, и в этом браке родилось трое детей: Майя, Александр и Азарий.

Недолгая карьера киноактрисы Ра Мессерер была очень яркой, и этому немало способствовала ее внешность: бледная утонченная красавица с огромными выразительными глазами и словно прорисованными бровями. Эта природная бледность, отсутствие румянца особенно ценились в кинема-

тографе тех лет: румянец на пленке выглядел жуткими темными пятнами. Румяным актрисам приходилось тщательно выбеливать лицо, покрывая его толстым слоем грима, ну а качество тонального крема и пудры в те годы было далеко от совершенства.

> Сама Майя, правда, запомнила мать по-другому: «Небольшого роста, круглолицая, пропорционально сложенная. С огромными карими глазами, маленьким носом-пуговкой. Черные, цвета воронова крыла волосы, всегда гладко расчесаны на прямой пробор и замысловатыми змейками заложены на затылке. … Было в ней что-то от древних персидских миниатюр».

Лицо Ра Мессерер могло выразить любое чувство и почти любую мысль, что было очень важно в немом кинематографе. Она снималась на киностудиях «Бухкино» и «Звезда Востока», играла узбечек. Фильмы с ее участием – «Прокаженная», «Вторая жена» – рассказывали о трагических судьбах восточных женщин, угнетенных, но не сломленных. Об ужасах жестокого патриархального общества, где господствуют законы шариата. Сами восточные женщины, вопреки пропагандистским заявлениям, не то что в кинематографе играть отказывались, они и паранджу скидывали крайне неохотно! Появляться без паранджи на улицах восточного города в те годы было опасно даже для европейки: убить могли. Поэтому Ра Мессерер приходилось, выходя на улицы, скрывать лицо.

Майя Михайловна в одном из интервью вспоминала, как мама водила ее в кино: «Фильмы были трагические, страшные. Она играла узбечек, а в Азии всегда были сплошные трагедии. Фильмы, как и в Индии, всегда были невероятно трагичные, просто душераздирающие. И вот она играла прокаженную, где ее топтали лошади. Какой-то другой фильм, где ее сжигали живьем в каком-то доме. Вообще, я просто обрыдалась, хотя она сидела рядом со мной в кинотеатре, держала меня за руку и говорила: «Я здесь, я с тобой», – а все равно я сердилась, что она мне мешала плакать».

* * *

К тому времени у Ра было уже двое маленьких детей и подчас ей приходилось надолго оставлять их ради съемок. А по сюжету фильма «Вторая жена» у ее несправедливо оклеветанной героини отнимали новорожденного сына. Рахиль стали мучить кошмары, она словно предчувствовала надвигающуюся беду.

В 1934 году Михаила Плисецкого назначили генеральным консулом Шпицбергена и начальником угольных шахт. Вся семья отправилась на этот далекий северный остров. Только в один конец добирались более недели. Сначала в Норвегию, в Осло, на поезде, потом пароходом на Баренцбург. Осло запомнился девочке веселым многокрасочным солнечным городом. И это несмотря на то, что на улицах норвежской

столицы уже встречались люди со свастиками на рукавах – тогда Майя и понятия не имела, что это значит. Она с интересом озиралась вокруг, рассматривая яркие, непривычно привлекательные витрины магазинов. У одного маленького симпатичного магазина мама с дочкой остановились. Хозяйка профессионально увлекла потенциальных покупателей внутрь, принялась показывать товар. На ее прилавках лежали несметные богатства: шерстяные цветастые платья, широкие юбки, рукавицы с узорами, костюмчики, прошитые золотой и серебряной нитью, пушистые кофты… Воспитанная в советском аскетизме девочка не могла отвести взгляд от всего этого изобилия. Рахиль подсчитала скудные финансы, а потом потратила все, до копейки, на костюмчик с золотой нитью, который так шел ее любимой рыжей дочурке. На себя денег уже не осталось. Осознав ситуацию, растроганная хозяйка подарила Майе игрушку – кукольный фарфоровый чайный сервизик. Этот чудный подарок до сих пор стоит в столовой балерины.

От Осло до Шпицбергена плыли долго – две недели, – и все время сильно штормило. Советский ледокол «Красин» два раза в год совершал этот полярный марафон. Чтобы хоть как-то развлечь детей, капитан ссудил отца древним патефоном. Пластинка нашлась всего одна – отрывки из оперы «Кармен». Эти гениальные мелодии Майя запомнила навсегда. С тех пор Кармен ассоциировалась у нее с бурей, с непогодой, со шквальным ветром и бушующими волнами.

Плисецким выделили две комнаты в доме советской колонии. Небольшой поселок со всех сторон окружали снега, и крепкая спортивная Майя увлеклась лыжами. Она посвящала все дни этому занятию, уходя в дальние прогулки, спускаясь с крутых склонов. Но упрямство и неопытность – плохие советчики на Севере. Из-за своего строптивого нрава Майя однажды чуть не погибла, вознамерившись дойти на лыжах от Баренцбурга до второго населенного пункта на острове, – а началась метель. К счастью, девочки быстро хватились, и Рахиль, устроившаяся на должность телефонистки, сумела поднять всех на ноги. К этому времени Майя уже выбилась из сил, присела отдохнуть в сугроб и погрузилась в смертельную дрему. Ее заметал снег. Разыскала девочку специально обученная овчарка и приволокла за шиворот к людям. Имя спасительницы Плисецкая не забыла – звали ту чудесную собаку Як.

* * *

Между тем обстановка в Стране Советов становилась все менее комфортной. Михаил Плисецкий часто хмурился, подолгу молчал. На Рождество норвежские власти прислали ему подарок – ящик с апельсинами, но Плисецкий тут же отправил посылку в шахтерскую столовую. Рахиль расстроилась: свой ребенок без витаминов, – однако под суровым взглядом мужа испуганно смолкла. И дело было вовсе не в

особой принципиальности: в те годы, взяв даже один-единственный апельсин, человек мог быть обвинен в том, что принимает взятки от врага. Вот и приходилось отказывать себе во всем, и даже супруга «генерального консула Шпицбергена» годами носила одно и то же платье.

* * *

На самодеятельной сцене на суровом Шпицбергене состоялся дебют маленькой Майи в опере Даргомыжского «Русалка». Крошечная роль была исполнена блестяще, но после этого из дома навсегда ушел покой. Юная балеринка ни минуты не сидела на месте, импровизировала, пела, танцевала, исполняя все роли одновременно. Посовещавшись, Плисецкие решили по возвращении в столицу отдать егозу в хореографическое училище. В тридцатые годы конкурса туда почти не было, балет не был в моде, все стремились стать летчиками и шахтерами. От поступающих требовались лишь подходящие физические данные, музыкальность, чувство ритма и природная артистичность.

Сначала Майю определили в класс к Евгении Ивановне Долинской – прекрасному, душевному, терпеливому педагогу. Она умела преодолевать скуку, по десять – двадцать раз объяснять одно и то же, ставила незатейливые балетные сценки… А во втором классе педагог сменился, класс взяла Елизавета Павловна Гердт, происходившая из династии тан-

цовщиков Императорского театра. Она могла порассказать ученикам массу интересного, но вот преподавателем была не самым лучшим. Прекрасно видя недостатки своих учеников, она далеко не всегда умела объяснить, как правильно. «Диагноз она ставила верно, но как лечить – ведать не ведала… «Ты висишь на палке, как белье на веревке», – а что надо сделать, чтоб не висеть? Ваганова сказала бы прозаично – «переложи руку вперед». И балерина, как по мановению волшебной палочки, обретала равновесие. Это называется школой», – вспоминала Майя Михайловна годы своей учебы. Потом всю жизнь Плисецкая сетовала на несовершенство своей техники, говорила, что этой самой «школы» ей не хватает. Не хватило ее и всем ее однокашницам: никто не вышел в солисты, все девочки застряли в кордебалете. Мальчишек же многих поубивали на войне, а обладатели немецких фамилий были сосланы.

К счастью для Майи, в обучении ей помогал ее дядя, Асаф Мессерер. Он давал замечательный класс своего учителя-балетмейстера Александра Горского, удобный для ног, в котором, по воспоминаниям Майи Михайловны, никогда ни одной связки или мышцы нельзя было сорвать.

Конец детства

Летом 1935 года Михаила Плисецкого внезапно вызвали в Москву. Дали новую квартиру в Гагаринском переулке в двухэтажном старинном особняке. Определили на солидную должность в управлении «Арктикугля». Выделили персональную машину – черную «эмку». Однако Плисецкий был невесел, хмур, все время о чем-то размышлял, пропадал сутками на работе… Так прошло полтора года. А потом, в один из зимних вечеров, он вдруг вернулся раньше обычного и тихо объявил, что его выгнали из партии и уволили с работы… Черная «эмка» перестала приезжать за Плисецким по утрам. Небритый и апатичный, он сидел без дела дома, ничего не ел. Телефон, ранее трезвонивший без умолку, особенно в ночи, замолк.

А за несколько дней до Первомая Плисецкого куда-то вызвали. Он пришел воспрянувший духом, помолодевший: ему дали гостевые билеты на кремлевскую трибуну. Он пригласил с собой не жену, а любимую дочку – Майечку. Ничуть не обидевшаяся Рахиль принялась подновлять старенькое дочкино платьице, пришивая какие-то веселенькие оборочки, кружавчики… Но оно не понадобилось: в ночь на 1 мая за Плисецким пришли. До конца жизни Майя Михайловна не забудет ужас той ночи. То, как дрожала ее беременная третьим ребенком мать, то, как надрывно кричал малень-

кий брат, как злорадствовала толстуха-дворничиха… Из мира арабесок и па-де-бурре Майя неожиданно переместилась в мир грубой и жестокой реальности. Тогда она еще не понимала, что ее прошлая жизнь рухнула навсегда, что детство кончилось – кончилось в одиннадцать лет.

Некоторое время они с матерью и братом продолжали жить в квартире в Гагаринском переулке. Соседи старались семью Плисецких не замечать. Беременная Рахиль металась по приемным НКВД. Ну а Майя продолжала ездить в балетную школу. Вскоре Рахиль родила сына и назвала его Азарием – в честь своего рано умершего брата. Малышу исполнилось всего семь месяцев, когда была арестована и сама Рахиль. Ее забрали прямо в Большом театре, во время представления «Спящей красавицы», в которой танцевала Суламифь Мессерер – тетка маленькой Майи.

В одиночку, без мамы, Майя не решилась пройти за кулисы и после спектакля отправилась сразу к тете Мите домой: благо Суламифь жила рядом, в Щепкинском проезде, в доме Большого театра, где много лет спустя дадут комнатушку и самой Майе Михайловне. Суламифь уже все знала: со сцены она увидела достаточно, чтобы заподозрить худшее. Только необыкновенная профессиональная выдержка позволила ей дотанцевать свою партию. Теперь она оглядела девочку своими темными выразительными глазами и предложила ей остаться ночевать. Улыбнувшись, стала плести какую-то чепуху, что маму срочно вызвали к отцу и поэтому она тут же,

прямо из театра, не досмотрев спектакля, вечерним поездом куда-то умчалась. Майя поверила. И осталась. Так она поселилась у своей тети Миты, а ее брата Александра усыновил Асаф Мессерер. Младший сын Азарий отправился с матерью в тюрьму.

* * *

Сначала Рахиль с младенцем держали в Бутырке, в камере, битком набитой такими же «женами изменников Родины» с маленькими детьми, а потом вместе с сыном отправили в ГУЛАГ точнее, в «АЛЖИР» – «Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины».

> Майя Михайловна вспоминает: «Характер у мамы был мягкий и твердый, добрый и упрямый. Когда в тридцать восьмом году ее арестовали и требовали подписать, что муж шпион, изменник, диверсант, преступник, участник заговора против Сталина и пр., и пр., – она наотрез отказалась. Случай по тем временам героический. Ей дали 8 лет тюрьмы».

Ехали они в телятнике, вагоне для скота, до отказа набитом политическими и уголовницами. Холодные ветры свистели в щелях. Мучила безумная жажда – кормили сушеной воблой, почти не давая воды. На клочке бумажки кровью Рахиль написала несколько строк: «Едем в сторону Караганды, в лагерь Акмолинской области. Ребенок со мной…» – и мос-

ковский адрес родственников. Сложила бумажку треугольником и заклеила мякишем черного хлеба. Когда поезд остановился на одном из разъездов, Рахиль, встав на нары, через зарешеченное окошко увидела стоящую на путях стрелочницу. Она помахала ей, показала младенца и бросила письмо. Женщина, проводив глазами подхваченный ветром листок, кивнула Рахили. А ведь передавать подобные послания в те годы было очень опасно!

Стрелочница не обманула – письмо дошло! В результате многочисленных хлопот и прошений прославленных брата и сестры – Асафа и Суламифи Мессерер, в конце лета 1939 года Рахиль была переведена на вольное поселение в Чимкент. Там она сумела устроиться учителем танцев в один из клубов.

> Несмотря на перенесенные страдания, Рахиль все еще была очень красива, мужчины домогались ее любви, – но она отвергала всех, веря в то, что ее муж жив. Увы, это было не так: Михаила Плисецкого расстреляли за два месяца до ареста его жены. Об этом Рахиль узнала лишь спустя 27 лет.

Вернуться в Москву Рахиль Мессерер-Плисецкой удалось только в 1941 году, за два месяца до начала войны. После освобождения ее актерская карьера была навсегда прекращена. Она поселилась вместе с сестрой и посвятила себя детям – и все они достигли в жизни успеха.

Она не пропускала ни одного спектакля с участием Майи,

Александра или Азария. Рахиль обычно сидела в первых рядах, рядом со своим младшим братом Александром и знаменитой Лилей Брик, в красивом черном платье, улыбаясь многочисленным поклонникам ее детей, то и дело подходившим к ней в антракте. Иногда она дарила знакомым фотографии, подписывая: «На добрую память от мамы Майи».

В конце жизни Рахиль Михайловна получила возможность путешествовать. Гостила в Англии у сестры Суламифи, провела полгода на Кубе, где работал Азарий, побывала во Франции, Испании, Америке… Рахиль умерла в возрасте 91 года и была похоронена в семейной могиле на Новодевичьем кладбище.

Путь на сцену

После ареста родителей у Майи началась совсем другая жизнь. Тетка заботилась о ней, но, не в силах обуздать свой, мягко говоря, непростой характер, нередко унижала девочку. Была Суламифь Мессерер миниатюрной, веселой, живой как ртуть, громкоголосой, очень конфликтной и совершенно лишенной всякой тактичности. Делая людям добро, она обязательно требовала за это ярко выраженной благодарности. Так же отнеслась она и к Майе. С огромным риском для собственной карьеры и даже для свободы, она приютила племянницу – дочку репрессированных родителей, но то и дело садистски жалила ее попреками: ты ешь мой хлеб, ты спишь на моей постели, ты носишь мою одежду… Однажды, не вытерпев, Майя написала матери в ссылку письмо, описав все эти несправедливости. Суламифь ужаснулась: что почувствует сестра, узнав, что она обижает беззащитную племянницу? Ведь на самом деле она души не чаяла в них обеих! И Суламифь тут же бросилась извиняться, целовать девочку. Мир был восстановлен, а порванное письмо отправилось в урну.

* * *

Вот в таких суровых условиях и формировался сильный

несгибаемый характер Майи Михайловны. «Характер – это и есть судьба», – любит повторять балерина. С самого детства она умела добиваться поставленной цели. Без этого умения невозможно стать балериной, тем более – знаменитой. Майя стремилась быть «не такой, как все», неустанно утверждая собственную индивидуальность. Она никогда не боялась нарушать правила, но не из-за самонадеянности, а оттого, что верила в себя и всегда была самым придирчивым своим критиком.

Возможно, благодаря именно этим своим качествам подрастающая Майя обратила на себя внимание замечательного хореографа и педагога Леонида Якобсона, с которым ее не раз будет сводить судьба уже в зрелые годы. Он станет ее учителем, другом, помощником; вместе Якобсон и Плисецкая создадут несколько прекрасных балетов.

> «Якобсон-хореограф был помечен Богом, – вспоминала о нем Майя Михайловна. – За целую свою жизнь я встретила лишь нескольких балетмейстеров-творцов, у которых был природный Божий дар к сочинительству танца. Господь Бог так скуп на балетмейстерский талант от рождения!»

Леонид Вениаминович Якобсон уделял большое внимание содержанию спектакля и стремился танцем и пантомимой донести сюжет до зрителя. Порой он использовал образы и элементы смежных искусств, и ему это успешно удавалось. Леонид Якобсон был авангардистом и шел против обычных

вещей в искусстве. И в молодости, и в период расцвета хореограф не приветствовал классику в танце. Он инициировал возврат в балетном танце пластических движений и всегда старался использовать неординарные, выразительные и яркие формы. За это Якобсона критиковали и даже обвиняли в «формализме». Вынужденный вернуться к классике, он не изменил себе и преобразил танцевальные па, сделав их более современными.

В 1933–1942 годы Леонид Якобсон был балетмейстером Московского Большого театра. В духе того времени для воспитанников училища им был поставлен номер, который назывался «Конференция по разоружению». Каждый из участников должен был изобразить главу какого-нибудь государства. Майе досталась роль китайского диктатора, главы партии Гоминьдан Чан Кайши, которой девочка ужасно гордилась. Исторический, реальный Чан Кайши был личностью сложной и далеко не однозначной: он то заключал союз с коммунистами, то переходил на сторону «реакционной буржуазии», и потому его роль действительно была не из простых. Но артистичная Майя справилась, а Якобсон оценил ее старания и достигнутый результат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.